

Марина Соколова

Убийство матери

Марина Соколова
Убийство матери

«Автор»

Соколова М. Д.

Убийство матери / М. Д. Соколова — «Автор»,

Она не могла отвести глаз от крови, вытекавшей из широкого разреза на шее. Подошла ближе к шее матери и тупым ножом расширила разрез. Она хотела, чтобы была кровь. Ей нужна была материнская кровь, чтобы спастись от ненависти.

© Соколова М. Д.

© Автор

Марина Соколова

Убийство матери

Повесть со стихами

*Веками люди думают о счастье...
И тот, кто наделён могучей властью,
И тот, чья жизнь – дождливое ненастье...
Целуя нежно тонкое запястье,
Хоть раз, но каждый думает о счастье.*

*Доньне не разгадана загадка —
Таинственная счастья повадка.
И кто-то по нему вздохнёт украдкой...
У горя зрима, доходчивая хватка,
А счастья не разгадана загадка...*

Она не могла отвести глаз от крови, вытекавшей из широкого разреза на шее. Прислушалась к себе: ничего не произошло. Наверно, мало крови. Подошла ближе, ещё ближе к шее матери и тупым ножом расширила разрез. «Сколько раз напоминала Эдику, чтобы поточил ножи», – с ненавистью подумала Анжелика. Кровь полилась быстрее, и она решила, что достаточно. Потом отошла к трюмо и оттуда стала рассматривать всё тело. Руки были морщинистые, но тело матери сохранилось хорошо. Лучше всего сохранилась шея. Мать заботилась о ней много лет, столько, сколько помнила себя Анжелика. «Уже не сохранилась», – равнодушно подумала дочь. Равнодушие появилось, когда вытекло достаточно крови. А до этого была только ненависть, очень много ненависти. Нет, одна большая ненависть. Мать спасла от неё Анжелику. Нет, Анжелика заставила её спасти. Ненависть ушла вся сразу, на её место пришло равнодушие. От равнодушия спасать будет некому. Больше некого заставлять.

Эдик не в счёт. Его не заставишь. Он её никогда ни от чего не спасал. Джульетта – тем более. А больше никого нет. Это весь её человеческий капитал. Другого капитала нет.

Анжелика посмотрела на будильник. Два часа шесть минут. Потом опять на кровь. Очень много крови. Она не хотела столько крови. Больше не надо, а она льётся. Сколько она льётся? Кажется, час или два. А может быть, одно мгновение...

Она хотела, чтобы была кровь. Но не так много. Ей нужна была материнская кровь, чтобы спастись от ненависти.

Теперь надо спастись от равнодушия. Чем больше крови, тем больше равнодушия. Кровь запачкала матери руки. У Анжелики руки тоже красные. Когда приедет Джульетта, она запачкает её своими красными руками. Такими руками нельзя никого спасти. Она никогда не спасёт свою дочь. Она больше никогда не напишет для неё стихи. Джульетта любила побеждать в конкурсе чтецов. Для дочери Анжелика писала стихи – про школу и про Джульетту. Дочь особенно любила стихотворение про себя. С которым она выиграла конкурс:

*Вчера Джульетта на концерте
К великой тайне приобщилась
И в красках музыку познала,
Нарисовав её портрет.*

*Вот красная смеётся мама,
А рядом с ней – зелёный папа,
Похожий на котёнка Петьку,
Листает чёрную тетрадь.*

*А рядом сам котёнок Петька,
Как тигр, в жёлтую полоску,
Рычит на голубую Катю
С двенадцатого этажа.*

*У Кати платье – голубое,
Косички – тоже голубые,
И бантики в них – голубые,
И тёмно-синие глаза.*

*И эта голубая Катя,
Раскинув руки, словно крылья,
Назло соседскому Серёжке,
Летает в небе голубом.*

*И ей оранжевый Серёжка,
Нахмутив розовые брови,
Сверкая жёлтыми глазами,
Грозит зелёным кулаком.*

Анжелика ничего не придумала. Джульетта действительно рисовала музыку. Папа учил её рисовать, мама – правильно говорить по-русски, а бабушка – мыть руки перед едой.

У бабушки руки всегда были чистые-чистые. В семье её привыкли называть «мами» – на французский манер. Анжелика учила дочь французскому языку. Рассуждала так: передам Джульетте свои знания, они ей пригодятся в жизни. Потом заметила, что у дочери по-французски получается лучше, чем по-русски. Бросилась исправлять. Но Джульетта предпочитала французский. И они общались по-иностранному. Раньше ей не приходилось так много разговаривать на французском.

Нет, неправда. Приходилось, и не раз. В Алжире она проработала переводчицей два года. Два года французского языка. На русском разговаривала только со своими – преподавателями и переводчиками. Лучше бы совсем не разговаривала: свои были хуже чужих.

Там **это** и началось. Нет, гораздо позже. В Алжире она думала по-русски и видела русские сны. Во сне она видела маму и Столешников переулоч. Мама гладила её по голове своей нежной морщинистой рукой и смотрела прямо в душу ласковыми, всепонимающими глазами. От её взгляда душа расцветала белыми лилиями. Анжелика просыпалась, и лилии закрывались. Она слышала вокруг разговоры о деньгах, невымытых тарелках и бесконечных табу. Они резали ей слух. Она чувствовала себя обманутой и обиженной. В Алжире её все обманывали и обижали. Даже Аладдин. Он обижал её чужой любовью. На родине тоже обманывали и обижали. Но не все, только плохие люди. А на чужбине все были плохие. Ей очень хотелось вернуться поскорее домой, к маме. Пожаловаться ей, выплакать все свои обиды. Вокруг мамы собирались хорошие люди, которые создавали хорошую жизнь. Ей очень хотелось вернуться в хорошую жизнь.

Да, тогда она думала и чувствовала по-русски. **Это** началось позже, когда все стали плохими, все стали обманывать и обижать. Когда ушла вера. Все – свои. Чужие – тоже. Но у чужих – чужая жизнь. К ней можно приспособливаться, если есть желание. Ею можно отгородиться

от своей, родной жизни. В ней можно раствориться – навсегда. В Алжире была чужая жизнь, к которой Анжелика не хотела приспособливаться. Вернее, две чужие жизни. В одной жили алжирцы, в другой – свои. Алжирцы оказались привлекательнее своих, но обе жизни – чужие. К которым Анжелика не хотела приспособливаться. В Алжире она жила собственной жизнью. Страна привлекла её чудесной природной красотой. Алжир – это море, горы, красная земля, висящее над головой сказочное небо, алые маки, бьющий в нос аромат солнечной растительности. Как дополнение к природе – люди, чаще всего – приветливые и вежливые, вечером – по-африкански наэлектризованные. И всегда – чужие. Их чужая жизнь вызывала интерес, любопытство. Но провоцировала резь в ушах и в глазах. Создавалось впечатление, что чуть ли не все алжирцы получали доход от бутиков, не ударяя палец о палец. Материальные блага страны создавали иностранцы. Анжелика охотно болтала с итальянцами, строившими макаронную фабрику. Но особое любопытство вызывали алжирские коммерсанты. Среди которых было немало бывших московских студентов. Впрочем, с неменьшим интересом она общалась с алжирскими практикантами. Которые совершенствовали свои знания радио и телевидения с помощью русских преподавателей. Конечно, не обошлось без любви. Африка не может не порождать африканскую страсть. Анжелика с удивлением обнаружила, что вызывает африканскую страсть как у алжирцев, так и у русских. У алжирцев она была намного натуральнее. И неудивительно, что именно её предпочла Анжелика. Но это случилось позже – после множества мелких и крупных конфликтов. Проистекали они из того, что Анжелика не хотела приспособливаться к чужим жизням. Алжирцы требовали приспособления весьма умеренно, свои – очень настойчиво. Свои были уверены в том, что имеют на это полное право. Анжелика считала, что на её жизнь никто не имеет никакого права. Она боролась и писала стихи:

*Меня ломали и топтали,
Да, гнулась я, но не ломалась,
Да, пачкалась, но очищалась.
Не индульгенции спасали —
Нет, я слезами омывалась.*

*Жизнь ранит острыми углами —
И зарубцовывает раны.
Наталкиваясь на изъязны,
Бьюсь с ней и делом, и словами —
Не жажду я небесной манны.*

*Рубцов на теле не ищите,
Губ детскостью не обманитесь,
Наивности не улыбнитесь,
На раны сердца посмотрите —
И в искренности убедитесь.*

*Союз святой ума и сердца —
Оружье честных и бесстрашных.
За чистоту слов – самых важных,
Как шли когда-то против немца,
Вступили в жизнь полки отважных.*

*Схватившись с жизнью в рукопашной,
Всю жизнь свою за жизнь сражаюсь,*

*Умом и телом закаляюсь,
Но, избежав ошибки страшной,
Я сердцем не рублю – смягчаюсь.*

*В награду жизнь, вдруг сбросив маску,
Засветится улыбкой милой.
Я так люблю её красивой!
И, благодарна ей за ласку,
Бросаю вон солдата каску,
Вся в голубом, вхожу я в сказку
И становлюсь такой счастливой!*

* * *

Анжелика приехала в Алжир прямо из Педагогического Института, где уважали её право на собственную жизнь. Её окружали хорошие люди и изысканные интеллигенты, которые ценили в Анжелике ум, способности, индивидуальность, красоту. Они все были единомышленники, и Анжелика тянулась к ним изо всех сил. Ей всё время приходилось вставать на цыпочки, чтобы до них дотянуться. Казалось, все они поклонялись одному богу – любви. На факультете было много любви. Рудольф Германович (преподаватель немецкого языка, настоящий мужчина) был влюблён сразу в двух красавиц – близняшек. И с обеими целовался по очереди. Подруга Анжелики Флора влюбилась в перуанца, ушла из дома и претерпевала вместе с возлюбленным мытарства и лишения, сопутствующие запретной любви. Но самая душещипательная история разворачивалась на глазах у всего факультета. Лаура Зильбершухер из первой группы для Альберта Маркусфельда из третьей группы сумела отыскать в Москве африканскую страсть. Влюблённые ходили по факультету, взявшись за руки, и целовались прямо на лекциях. Сэ-Сэ прерывала лекцию для того, чтобы призвать к порядку студентов, которые мешали влюблённым. Сама она старалась говорить как можно тише из уважения к Любви. В идилию вмешался преподаватель с английского факультета. Он застал Лауру и Альберта за поцелуями в гардеробе и притащил их в деканат. Никак не меньше часа потратила Сэ-Сэ, чтобы утихомирить разбушевавшегося приземлённого «англичанина». После этого скандала влюблённые перестали целоваться так откровенно. Конец у этой истории был прозаичный, но очень «жизненный». Лаура разлюбила Альберта и влюбилась в австралийца. А Альберт разлюбил Лауру и влюбился в немку. Следовательно, Лауре пришлось уехать в Австралию, а Альберту – в Германию. Из-за этого на факультете были неприятности. Вообще из-за границы на факультете было много неприятностей. Но надо отдать должное преподавателям – они справлялись с ними с честью. Но не без ущерба для себя. Чего им стоила одна только история с Тристаном Махно! Тристан был их идолом. Правда, лицом не вышел, зато по-французски говорил лучше Президента Франции. Его блестящие способности вызывали восхищение всех преподавателей. Что касается человеческих достоинств, то Тристан старался дотянуться до уровня, возвышавшегося на факультете. А вот во Франции он лишился родного факультета, родных преподавателей и... здравого смысла. За границей куда-то исчезли хорошие люди. Без них Тристан поглупел и оплошал. Руководитель группы, в которую он попал благодаря родному факультету, говорил по-французски намного хуже Президента Франции. И Махно умудрился сделать ему замечание. В отместку он был пойман на таможне с «лишними» джинсами, а институт получил компрометирующее письмо. Деканату пришлось на него отреагировать. Однако реакция была такой порядочной, что она не стоила принципиальному студенту ни головной боли, ни испорченной карьеры. Зато она стоила этого преподавателям. Они оказались слишком хорошими.

Но только не для Анжелики. Она купалась в атмосфере любви, порядочности и хорошего вкуса, господствовавшей на факультете. Это была её жизнь. Она баловала Анжелику, ласкала её, приятно щекотала нервы. Анжелику не удивило, что Тристан после истории с таможенной ударился в любовь. Она сама не спешила в неё удариться. Она не любила целоваться в гардеробе, зато любила тренировать голосовые связки громкими модными песенками. Она делала это повсюду – в гардеробе, в столовой и даже в библиотеке. И не всегда в свободное от учёбы время. Ей всё сходило с рук, потому что преподаватели опасались спугнуть её индивидуальность. И ещё потому, что они были хорошими людьми. Анжелика знала, что от этих людей она пойдёт к другим хорошим людям, которые жили вместе с ней в коммунальной квартире. А в воскресенье она встретится со своими хорошими друзьями. А летом она поедет в свой родной Баку и увидит лучшую на Земле маму – с ласковыми глазами и чистыми руками.

У мамы руки всегда были очень чистые. Она тщательно их мыла, когда фантазировала еду, когда собирала Анжелику в школу, готовилась к работе. Папы у Анжелики никогда не было. Зато у мамы была мужская профессия – штурман. Она водила корабли по морям и жила русской кавказской жизнью. Мама очень любила свою работу, море было её детской мечтой. Но пришло время, и она стала перед выбором: море или дочь. Она выбрала дочь и надолго рассталась с морем. Много лет своей жизни мама посвятила Анжелике и новой «земной» работе. Привыкать к «земной» жизни было нелегко. Но мама, как магнитом, притягивала к себе замечательных людей. Наверно, потому что обладала замечательным магнитом. А замечательные люди создают замечательную жизнь. И неудивительно, что Анжелика любила возвращаться в мамину жизнь. Она возвращалась то с горечью, то с надеждами. Иногда со стихами:

*Мы кажемся себе хорошими,
И честными, и справедливыми,
Непонятыми Гёте и Чайковскими,
Вторые Модильяни – это тоже мы.*

*Мы собственной бедою упиваемся,
Себя жалея, слёзкой умываемся,
И – всем назло – не думать мы стараемся,
Что это эгоизмом называется.*

*На этом свете всё для нас устроено,
Для нас обкатано, объезжено, построено.
А если что-то где-то не настроено,
Для нас не всё успели – мы расстроены.*

*Горя обидой и кипя от раздражения,
Находим гневные мы выражения,
Мы произносим речи возмущения
Для собственной разрядки напряжения.*

*И мы блистаем нашим красноречием
Не на собраниях, не на званом вечере.
Мы гневные бросаем вызовы
На кухне или у телевизора.*

*И наша публика, щедра на почести,
Сидит напротив, в тихом одиночестве,*

*Ласкает нас словами близкими,
Глядит на нас глазами материнскими.*

*А мы бросаем в мать словами хлёткими,
На слух – жестокими, на оцупь – жёсткими,
Жёлчь превращая в шелуху словесную,
Борщ заедая болтовнёю пресною.*

*Чрез четверть часа, от себя усталые,
Мы забываем все обиды малые,
Но будем долго помнить взгляд измученный
И на руках родных морщин излучины.*

Эти стихи Анжелика привезла из Москвы. Мама слушала их молча, удобно устроив голову на морщинистых руках. Как обычно, не забыла похвалить дочку и стихи. Произнося по памяти строчку за строчкой, Анжелика не могла отвести глаз от маминых рук. Они были нежные и, как всегда, очень чистые. Никакая грязь не могла к ним пристать. Маминым рукам Анжелика посвятила много стихов. Она писала для мамы очень долго – до самого тупика. Но стихи, привезённые из Москвы, были самые правдивые. Они как-то сами написались после двухлетней разлуки.

Анжелика ожидала увидеть маму постаревшей и ослабевшей. Но она ошиблась. Мама была полна сил и рвалась в бой. Как только Анжелика уехала в Москву изучать французский, она вернулась к своей мечте о море. Как всегда и везде, она работала очень хорошо, но это оказалось не главным. Требовалось воровать, а мама не собиралась пачкать руки. Сначала её пытались принудить намёками, потом уговорами, потом – угрозами. Разумеется, ничего не помогло. Тогда решили от неё избавиться. У мафии, в которую сплотились пассажирские помощники, не было другого выхода. Мама была у них, как бельмо на глазу. Та сумма денег, которую она сдавала в кассу, так сильно разнилась от того, что сдавали остальные пассажирские помощники, что рано или поздно это не могло остаться незамеченным. Работать честно, не воровать пассажирские помощники разучились. Для убийства они ещё не созрели. Оставалось одно: уличить маму в том, чего она не совершала. Проверки следовали одна за другой – и днём, и ночью. Мама, как всегда, вышла из борьбы с чистыми руками. Только морщинок на них заметно прибавилось. Неожиданно для всех посвящённых проверочная комиссия поймала с поличным настоящего вора. Этот пассажирский помощник так пригрелся в банде, что потерял всякую бдительность. Справедливость наказала виновного. А через год со своей мечтой навсегда распрощалась мама, которой борьба стоила здоровья.

* * *

Анжелика охотно принимала участие в маминой борьбе. Но из Москвы до Баку от этого участия доходили ничтожные крохи. Время от времени Анжелика приезжала к маме и погружалась в атмосферу борьбы. Перед отъездом в Алжир ей нужно было без волокиты получить медицинское свидетельство. С помощью маминых знакомств и денег она очень скоро стала обладательницей бесценного документа, на котором нетвёрдая рука перечислила все достоинства её здорового организма. Придя к выводу, что Анжелика может ехать «в за грамм командировку в социалистическую страну Алжир». «В за грамм командировку» – отдельно и с двумя «м». Неизвестно, в каком состоянии деятели здравоохранения составляли сей документ. Главное, что справка, подтверждённая печатями, сошла Анжелике с рук. Более того, магическое

слово «за грамм командировка» произвело такое неизгладимое впечатление на маминых врагов, что они поспешили в друзья.

Мамино участие в жизни дочери было гораздо более ощутимым. Деньгами, благодаря маме, Анжелика была обеспечена с ног до головы и, более того, – до комнаты в коммунальной квартире.

Это сильно облегчало борьбу за существование. Точнее говоря, о выживании речь не шла. В то время Анжелика привыкла находить повсюду хороших людей. И в Москве она не отказалась от этой привычки. В то время хороших людей было непомерно больше. Примерно, из расчёта десять к одному. Потом расчёт изменился: примерно, один к одному. И Анжелику стошнило стихами:

*Мразь имеет цвет:
Чёрная, как мрак.
Мрази много лет.
Мразь имеет страх.*

*Нервов нет – дыра.
Дома нет – нора.
Затаилась мразь —
Собирает грязь.*

*Против правды – мразь.
Против чести – грязь.
Правда в мрази – ложь.
Чести в грязи – грош.*

*Мразь танцует вальс.
Учит жизни нас.
Мразь и Пушкин – бред.
Вновь убит поэт.*

*Чёрный – в мрази – снег.
Чёрный – к цели – бег.
Чёрный в небе след.
Человека нет.*

В то время Анжелика писала по-русски. И думала по-русски, и видела русские сны. И любила тоже по-русски. В Алжире попробовала любить не по-русски. Получилось плохо и не понравилось. В Алжире было очень много любви, но какой-то иностранной. Анжелика там жила своей, русской жизнью. А любила плохо, не по-русски.

В Москве она любила тоже очень много, но очень хорошо. Особенно много и хорошо она любила весной. И каждый день писала стихи:

*В меня вошла весна, как Волга входит в Каспий,
Заполнив меня всю, от края и до края,
Через бестолочь и дрызги, через сутолоку, распри
Она прошла – победно – от марта и до мая.*

Она коснулась сердца – и струны задрожали,

*Излив поток мелодий, бурлящих, сумасшедших,
В мучениях и криках они любовь рожали
И в гимне воспевали дитя любви наших дней.*

*Во мне весна и сердце навеки обвенчались
И слились воедино в истоке жизни новой,
В тот миг тоска и злоба со счастьем повстречались,
В нём растворясь. И с сердца вдруг рухнули оковы.*

*Пришла пора – и май, увы, покинул землю,
Умчалась с ним весна в страну парящих снов,
Во мне – её дитя, его я крику внемлю,
А в нём звучат весна, надежда и любовь.*

Иногда Анжелика любила всех. И тогда все любили её. Сначала ей казалось, что любви не было. Она не любила, а пела. Где придётся. А потом начала любить. Но петь не перестала. Она по очереди пела, любила и писала стихи. Стихи были разные, но все – про счастье. Она повсюду искала идеальное счастье. Чтобы поделиться им с мамой:

*Добрый день, моя родная,
В сторону отложив безделье,
Пишет дочь твоя шальная
Письмецо в рязанской келье.*

*Здесь, в брезентовой светёлке,
Что прижалась к краю поля,
Позабыв людские толки,
Упиваюсь жгучей волей.*

*Опасаясь сглазить зорьку,
Торжествуя дня победу,
Об одном жалею только,
Что тебя со мною нету.*

*На меня упало небо
Опрокинутою чашей,
И пудов миллионы хлеба
Обступили золотой чащей.*

*Окунусь в ржаное море —
Становлюсь, как рожь, золотая.
И пьянею на просторе,
Озорная, молодая.*

*В ярко красном сарафане,
Нежнолицца и пригожа,
Расцвела я на поляне,
На большой цветок похожа.*

*Сколько пчёлам и стрекозам
Надо мною не кружиться —
Не ожить на ткани розам,
И бутонам не раскрыться.*

*Увезу с собой отсюда
Вкус дождя и запах мёда —
Это маленькое чудо,
Что дарует нам природа.*

*Из ключа живой водицы,
Что снимает вмиг усталость,
Привезу тебе напиток —
И прощай навеки старость!*

*Часто в воду окунала
Я заплаканные глазки
И, срастаясь, оживала,
Как в волшебной детской сказке.*

Борьба за существование тоже была. Маленькая борьба за хорошее существование. Чем больше было хороших людей, тем меньше требовалось борьбы. А хороших людей тогда было очень много. В школе, в коммунальной квартире, в институте... Тогда Анжелика не относила себя к числу разочарованных. Она не ощущала пропасти между школой и жизнью. Из школьной программы она спокойно шагнула в жизненную программу. Мама учила её идеалу, а школа – светлой жизни. Но в школе тоже были разные люди: светлые и тёмные. Светлых было больше. Десять лет школьной жизни имели свои светлые и тёмные стороны. Анжелика радостно шла по светлым улицам и переулкам, стараясь не заглядывать в тёмные углы. Иногда она бродила в потёмках, но дорога всегда выводила её в светлую жизнь. По этой дороге она пошла из школы в институт. Анжелика шла по ней ещё очень долго, пока не заблудилась. Плутала тоже очень долго, никак не хотела сдаваться. Шла в никуда, вслепую искала людей. Нашла, но не тех – чужих. Чужие привели её в тупик. Самым страшным, пожалуй, было то, что она разучилась плакать. Но стихи писать она не разучилась. Анжелика писала стихи, и страх на время уходил:

*Я разучилась плакать – и умерла,
Ходила – говорила, но не жила.
Во мне загрызли душу, убили я,
А мёртвые не плачут, любовь моя.*

*Чужая называлась твоей женой,
Лгала и притворялась, казалась мной.
Она и виновата. При чём здесь я?
Ты изменил мне с тенью, любовь моя.*

*Оттуда возвратилась лишь часть меня,
Чужая не исчезла средь бела дня.
Мы с нею неразлучны – она и я.
Теперь ты многоженец, любовь моя.*

*Боюсь, как бы чужая не стала мной.
Ведь для меня ты станешь тогда чужой.
Она тебя не сможет любить, как я.
Из нас двоих я лучше, любовь моя.*

Эти стихи она написала Эдику про себя. В то же время как бы самой себе. Ей очень хотелось любить Эдика, но она уже не могла. Он не захотел её осчастливить. Он не смог её спасти. Он спасал сам себя. Анжелика пошла по его пятам. Он привёл её к пруду. Христиане в светлых одеждах пели христианские песни и предлагали всем желающим окунуться в зелёную воду. Чтобы спастись. Эдик окунулся, но не спасся. Анжелика не окунулась, потому что вода была холодная. Эдик пришёл в тупик вместе с ней. Нет, не с ней, а в ней. Он стал частью её самой. Она пыталась освободиться от Эдика. Но это было бы то же самое, что освободиться от руки, от ноги, от головы. Это было очень страшно. Постепенно страх уступал место ненависти. Если бы она кого-нибудь или что-нибудь любила по-настоящему, она смогла бы заплакать. Тогда бы наверняка ушёл страх и не пришла бы ненависть. Но Анжелика разлюбила по-настоящему. Эдика она разлюбила ещё тогда, когда плутала. А до этого она испытывала к нему настоящую любовь. До Эдика Анжелика любила очень много – очень хорошо и очень плохо. Но по-настоящему она любила только Эдика.

И писала ему настоящие стихи про любовь:

*Хотела посвятить любви стихи —
Другой поэт меня опередил.
Хотела сосчитать свои грехи,
Те, за которые меня ты полюбил.*

*Поверишь, опасаюсь лучше стать —
Ранимой, слабой, женственной – твоей.
Боюсь грехи свои порастерять,
Чужие приобрести – боюсь ещё сильнеей.*

*Мне тяжело быть лёгкой, озорной,
Противно защищаться и острить.
Я устаю служить тебе женой,
Дай бог, чтоб не устала я тебя любить.*

*Вдруг обожжёт лицо слезами мысль,
Что всё – ошибка, незачем и зря.
Но если больно – не утрачен смысл
Понятного двоим смешного словаря.*

Тогда Эдик ещё не был частью её самой. Он был отдельный и очень родной, совершенно необходимый. И она писала для него по-русски и по-французски. А потом переводила. Но по-французски тогда – для забавы. А не потому, что не могла иначе. По-французски – потому, что умела, потому, что это тоже было интересно. Тогда она ещё не видела французских снов и не просыпалась от страха, что больше никогда не сможет увидеть русский сон. Потом – привыкла. Все сны стали французскими, и она сама стала французской. Она убила мать, когда стала французской. Выходит, мысль об убийстве матери тоже была французской? Может быть. А может быть, её уже не было никакой. И мыслей не было никаких. Она ведь давно умерла. Ещё тогда, когда разучилась плакать.

Эдика она очень любила по-русски. И очень любила болтать с ним на тарабарском языке. Но это был русский тарабарский язык. В него никто не вмешивался. Мама была ещё далеко, в своей жизни. Впрочем, он для неё был, как иностранный. Джульетта была ещё дальше, накануне своей жизни. Она появилась, когда Анжелика жила между страхом и ненавистью. Между французским страхом и французской ненавистью. Любви не осталось – ни русской, ни французской. Но Джульетта не была плодом страха и ненависти. Она была её воплощением в будущее. Постепенно страх исчез совсем, осталась одна сплошная ненависть. Но не к Джульетте, потому что Анжелика не могла ненавидеть себя. Первое слово, которое произнесла Джульетта, было французским. Она сказала «мами». Бабушку так и стали называть в семье – на французский манер. Четвёртое слово было русским. Анжелика обучала дочь французскому языку. Просто потому, что знала. И знала, что он ей пригодится. Потом пришлось срочно обучать Джульетту русскому. Потому что он давался ей хуже французского. Вскоре стало понятно, что Анжелика учит русскому языку хуже, чем французскому. На французском Джульетта говорила всё лучше, а русские слова коверкала невыносимо. Тогда Анжелика начала писать для неё русские стихи. Стихи Джульетте понравились. Она заучивала их наизусть и стала сносно говорить по-русски. С маминими стихами она даже выигрывала гимназические конкурсы чтецов. К русскому она относилась очень хорошо. Но предпочитала французский. И общалась с матерью по-иностранному. Хотя русские стихи ей нравились даже больше французских.

Анжелика не знала, хорошие у неё стихи или плохие. Она начала их писать в восемь лет. И писала всегда и везде – в детстве, в светлой жизни, в потёмках и в тупике. Стихи были физиологической потребностью. Она ела, спала, занималась любовью и писала стихи. Когда-то они были счастьем. Потом стали физиологической потребностью. Трудно сказать, когда именно. Наверно, счастье поэзии ушло вместе с верой. Когда не осталось ничего хорошего. А привычка писать закоренела. Навсегда. Нет, не навсегда. До убийства матери.

Всё же про одно стихотворение Анжелика знала наверняка. Она запомнила на всю жизнь день, когда его спела. Именно спела. Тогда она по-настоящему любила Эдика. Они познакомились зимой. Было очень холодно. Они гуляли целый день в снежном подмосковном лесу. Гуляли, потому что очень хотелось. Мороз не мешал любви. Лес был ослепительно красивый, и Анжелика целый день пела песни и читала стихи – свои и чужие. Когда они вышли из леса к ледяному пруду, в глаз попала снежинка. И стихи спелись сами собой:

*Снежинка упала на глаз,
Ослепила на миг,
Велик оказался соблазн
Для десятка других.*

*Они покатались к губам,
На щеке прорыдав,
Играя, мешали словам,
Демонстрируя нрав.*

*Исчезнув, оставили память
На нежных щеках —
Слезинки, морозное пламя,
Улыбку – в губах.*

Анжелика всегда знала, что это очень хорошие стихи про очень хорошую любовь. Эдик стихи как будто тоже оценил. В счастливый день морозной любви он помогал Анжелике стихами и песнями Высоцкого. Позже выяснилось, что других он просто не знал. Точнее говоря,

игнорировал. Стихи жены он неизменно хвалил, чтобы не обидеть. Но он не был ограниченным. Просто к стихам и песням относился индифферентно. Зато у него было много других достоинств. Прежде всего – любовь к Анжелике. Обаяние. Порядочность. Мужская красота. Обширные знания точных наук и не точных. Казалось, он знал всё, кроме стихов и песен. Может быть, их тоже знал, только скрывал от Анжелики. А от Аделаиды Карловны не скрывал. Иначе как она смогла признать Эдика? И полюбить его, как Евгения Онегина? Иногда Анжелике казалось, что Аделаида Карловна перещеголяла даже её. Но она не испытывала никакой ревности. Аделаиде Карловне только что исполнилось семьдесят, и она не рассчитывала на взаимность. По правде говоря, Анжелике приходилось экономить свою ревность, потому что в Эдика влюблялись все подряд. И по-хорошему, и по-плохому. Например, вся коммунальная квартира. Причём и женщины, и мужчины. Но больше всех – Аделаида Карловна. Они влюбились, конечно, по-хорошему. Во-первых, потому что были хорошими людьми. А во-вторых, их средний возраст составлял шестьдесят лет. По-плохому в Эдика влюбилась Флора. Она давно поменяла перуанца на негра, негра – на китайца. Выбирала, на кого поменять китайца. Увидела Эдика – и выбрала его. Но Эдик не умел любить по-плохому. Он не выбрал Флору и не изменил хорошей любви.

Анжелика гордилась любовью коммунальной квартиры. Она знала, что не все коммунальные квартиры в Москве такие хорошие. Она верила в идеал, хотя давно знала, что не бывает всё хорошее или всё плохое. Бывает больше хорошего или больше плохого. Она знала это очень долго. Но в один не прекрасный момент перестала это знать. Должно быть, в тот момент, когда ушла вера. Она поняла это не сразу. Месяца через два-четыре. Когда поняла – написала стихи:

*Смерть матери сын может пережить,
Смерть сына мать сумеет пережить,
Смерть человек сумеет пережить,
Но веру пережить нельзя.*

*Дворец из хлама можно возродить,
Честь имени возможно возродить,
Вчерашний день возможно возродить,
Но веру возродить нельзя.*

*В века слова возможно обронить,
На город бомбу можно обронить,
В толкучке рубль возможно обронить,
А веру обронить?*

Тогда она не знала, что будет ещё хуже. Тупик был впереди. А за тупиком – убийство матери.

И, как оказалось, равнодушие. Равнодушие заменило ненависть. Интересно, какое это равнодушие – русское или французское? Анжелика ещё не знала, что будет после равнодушия. Но уже знала, что, перерезав матери горло, она больше никогда не напишет стихов и никогда не спасёт свою дочь. Она опять прислушалась к себе. Ей не хотелось сочинять, есть, пить, спать, заниматься любовью. Анжелика почувствовала страх. Наверно, потому, что стало меньше крови. Заколдованный круг. Она не смогла спасти себя вместе с Джульеттой. И мать – тоже. Нет, не то. Она не должна спасать мать. Мать – отдельно. Это мать должна спасать Анжелику. Она её и спасала – много раз. А потом отказалась, и Анжелика её убила. Страх усилился. Значит, после равнодушия – опять страх. Наверно, опять французский. А разве страх

бывает русский, французский или японский? Да, бывает. Это точно. Когда она любила Эдика по-настоящему, она боялась за него по-русски. Боялась, что кто-нибудь обидит. Боялась везде, даже – в любимой коммуналке.

* * *

Анжелика попала в неё не сразу. А полюбила с первой улыбки. Ей понадобился год, чтобы найти хорошее жильё в хорошем месте. И это неудивительно, потому что хорошее редко лежит на поверхности. Лучше Столешникова переулка в Москве не было и нет. Анжелика любила Москву, пока была в состоянии любить. Она любила столичный спёртый воздух центра и провинциальный свежий воздух окраин. Московские бульвары и театры, необозримые современные проспекты и тесные старинные улочки. Обитателей родной коммунальной квартиры и публику родной улицы Горького. Но больше всего она любила Столешников переулочек. Он ей снился много лет – до иностранных снов. Вместе с Гиляровским, подземным кафе, обсыпными пирожными и муравьиной толпой. Вместе с коммунальной квартирой, которую она откапывала целый год. Как археолог. До Столешника были другие районы Москвы. Там Анжелика жила более или менее хорошо. В зависимости от процента хороших и плохих людей. Везде находились люди, которые обманывали и обижали. Но хороших было намного больше. От одних Анжелика ушла, потому что в её комнату приехал их племянник. От других – потому что не хотела участвовать в сложных взаимоотношениях жены, мужа – алкоголика и взрослой дочери. С третьими рассталась, потому что было неудобно перед замечательной матерью замечательного сына, которому Анжелика не ответила взаимностью. У матери Флоры не задержалась, потому что не хотела шпионить за подругой и её любовником. Следующая хозяйка была инвалидом, и от этого тяжёлого зрелища Анжелика убежала быстро и далеко. К очаровательной старушке, которую разборчивая студентка покинула по той меркантильной причине, что до института было два часа пути. Анжелика перекопала всю Москву и докопалась наконец до Столешникова переулочка. Она искала идеал и нашла его. Изолированная квартира была бы ещё идеальнее, но на неё не хватало денег. За комнату Анжелика платила двадцать пять рублей. Через год в гости приехала мама. Она узнала про двадцать пять рублей, и ей стало стыдно. Между ней и хозяйкой произошла следующая дискуссия:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.